

- ⁵ *Текст: стереотип и творчество* / Под ред. М. П. Котюровой. Пермь, 1998. С. 3.
- ⁶ См.: Волчкова И. М., Ханин А. А. Деловая публицистика: динамика системы // Факс. 2004. № 1–2. С. 20–24; Чепкина Э. В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995–2000). Екатеринбург, 2000. С. 76–84.
- ⁷ См.: Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы... С. 37.
- ⁸ См.: Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики. Новосибирск, 1986. С. 55–63; Матвеева Т. В. Лексическая экспрессивность в языке. Екатеринбург, 1986. С. 14–19; Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986. С. 49–53.
- ⁹ См.: Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург, 2002. С. 251.
- ¹⁰ Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988. С. 47.
- ¹¹ См.: Купина Н. А., Битенская Г. В. Сверхтекст и его разновидности // Человек — текст — культура: Кол. монография / Под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. Екатеринбург, 1994. С. 218.

Статья поступила в редакцию 06.07.2007 г.

О. В. Романова

СПЕЦИФИКА ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ ГАЗЕТНОГО ИНТЕРВЬЮ

Предмет нашего внимания в данной статье — газетное интервью, в диалогической форме фиксирующее, оценивающее и объясняющее то или иное явление действительности (многофункциональность определяет наличие разных видов этого жанра). Журналист запрашивает и получает информацию у компетентного лица (специалиста, участника события и т. д.) и в той же форме диалога передает ее массовой аудитории. Таким образом, диалогичность — сущностный признак жанра интервью среди других жанров СМИ.

Однако в современной лингвистике термин *диалогичность* не является однозначным. Помимо того, что он фиксирует качество текстов, состоящих из реплик двух или нескольких говорящих, термин этот обозначает сейчас ориентированность любой речи (устной и письменной, диалогической и монологической, внешней и внутренней) на другого, на адресата (даже если этим адресатом является сам говорящий). «Диалогичность в широком, глобальном смысле <...> есть речевое проявление социальной сущности языка, реализуемой при коммуникации»¹.

РОМАНОВА Оксана Владимировна — старший преподаватель кафедры связей с общественностью, начальник редакционно-издательского отдела Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии (E-mail: rio@ntspi.ru).

© Романова О. В., 2007

Говоря о всеобщем диалоге, М. М. Бахтин писал: «Можно понимать диалог широко, понимая под ним не только непосредственное громкое речевое общение людей лицом к лицу, а всякое речевое общение, какого бы типа оно ни было. Книга, т. е. печатное речевое выступление, также является элементом речевого общения. Оно обсуждается в непосредственном и живом диалоге, но, помимо этого, оно установлено на активное, связанное с проработкой и внутренним реплицированием восприятие и на организованную печатную же реакцию в тех разнообразных формах, какие выработаны в данной сфере речевого общения (рецензии, критические рефераты, определяющие влияние на последующие работы и пр.). Далее, такое речевое выступление неизбежно ориентируется на предшествующие выступления в той же сфере как самого автора, так и других, исходит из определенного положения научной проблемы или художественного стиля. Таким образом, печатное речевое выступление как бы вступает в идеологическую сферу большого масштаба: на что-то отвечает, что-то опровергает, что-то подтверждает, предвосхищает возможные ответы и опровержения, ищет поддержки и пр.»² Вся эта проблематика сегодня связана с изучением интертекстуальности. «Всякий текст, — утверждает Р. Барт, — есть между-текст по отношению к какому-то другому тексту <...> текст <...> образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат — из цитат без кавычек»³. Всякий говорящий говорит не только на «социальной территории»⁴, он говорит в некоем семиотическом пространстве, семиосфере: «Здесь “работает” не последний временной срез, а вся толща текстов культуры»⁵. При этом интертексты включают в себя значимую фоновую информацию, что подтверждается исследованием И. П. Смирнова, который определяет интертекстуальность как способность текста полностью или частично формировать свой смысл посредством ссылки на другие тексты»⁶.

Таким образом, журналист и его собеседник строят свой диалог внутри глобального диалога и не могут не вовлекать конкретно-авторские и анонимные голоса этого диалога в свой разговор. Поэтому и можно рассматривать такую проблему, как интертекстуальность интервью.

Естественная форма диалога — устная, это касается и журналистского интервью. Даже переведенный в письменную форму, он сохраняет особенности устного общения между журналистом и его собеседником, несет на себе отпечаток спонтанности. Этим объясняется первая особенность интертекстуальных включений в интервью — их краткость и возможная неточность передачи.

В нашем материале не так уж много случаев, когда говорящие дают точную цитату из чужого текста. Например, в интервью с Морисом Дрюоном журналистка Елена Жоли задает собеседнику такой вопрос:

— *В вашей статье в «Фигаро» вы пишете про Россию 41-го года: «Так же, как паника может стать эпидемией, заражающей даже тех, кто ничем*

не рискует, так и их (советских солдат) героизм стал эпидемией...» (Аргументы и факты. 2005. № 34).

Это точная цитата, которую журналист может в процессе разговора извлечь из своих записей, но может прочесть и наизусть, если специально заучил ее при подготовке к интервью (у людей разная память, и такую возможность никак нельзя отрицать).

Далее в этом же интервью собеседник Елены Жоли Морис Дрюон, продолжая разговор о Второй мировой войне, приводит еще одну точную цитату из гимна французских партизан, которую он воспроизводит по памяти:

...Я вместе с дядей, писателем Жозефом Кесселем, сумел попасть в Англию и присоединиться к армии генерала де Голля. Вместе мы написали слова к песне, которая стала гимном французских партизан: «Друг, если ты погибнешь, я встану на твоё место... Мы разрушим тюремные стены и освободим наших братьев».

Достаточно часто в интервью собеседники приводят точные цитаты авторитетных, известных личностей, используя их для подтверждения своих слов или мнений. Например, в интервью Валерия Кичина «Кино не для придурков» (Рос. газ. 2007. 27 апр.) его собеседник известный режиссер Станислав Говорухин цитирует Л. Н. Толстого:

Толстой в статье «Что такое искусство» писал: «Всякое ложное произведение, восхваленное критиками, — есть дверь, в которую тотчас же врываются лицемеры искусства». Это правда...

В некоторых случаях журналист претендует на точную цитацию высказываний своего собеседника, но утверждать, что именно так когда-то выразился интервьюируемый, достаточно трудно. Однако подобной журналистской формулировки герои интервью чаще всего не отрицают, если смысл цитаты передан достаточно точно. Рассмотрим интертекстуальное включение, используемое Надеждой Носковой в интервью «Ямал — не край земли, а ее начало» (Известия. 2005. 8 дек.) с губернатором Ямало-Ненецкого автономного округа Юрием Нееловым:

Когда вы стали главой региона, вы сказали замечательную фразу: «Нефть и газ должны работать на людей, а не наоборот».

Данное интертекстуальное включение предполагает, что журналист достаточно хорошо знаком с деятельностью собеседника, с его публичными высказываниями, либо сумел познакомиться с документальными источниками.

Однако массовым такой способ подачи чужого текста, как точное цитирование, назвать нельзя. Чаще всего слова конкретного лица передаются в пересказе. Например, так, как это представлено в интервью Галины Черменской «Сливки сбили в кучу» (Нов. газ. 2006. № 86):

Выступая перед гостями, президент Путин порадовал их известием, что 12 регионов РФ готовы принять у себя соотечественников, желающих вернуться из-за рубежа на родную землю, для чего из бюджета выделяется

4,5 млрд рублей (заметим, при квоте 50 тысяч человек это составит 3,5 тысячи долларов на брата, ну да не в деньгах счастье).

Несколько по-иному вводит «чужую речь» Геннадий Жаворонков в интервью с академиком Юрием Рыжовым «Он отказался стать премьером» (Нов. газ. 2006. № 82). В стимулирующей реплике автора слова А. Д. Сахарова приведены не в полном объеме, нет окончания мысли. При этом автор не претендует на их дословную передачу:

— *Не знаю, лукавил ли мне Андрей Дмитриевич Сахаров в своем интервью, когда утверждал, что все научные достижения в его области совершаются до тридцати лет, а потом....*

Иногда «чужая речь» вводится в форме сценки, как в интервью Игоря Елкова «Вас называют скорпионом!» с Гаем Севериным, соратником генерального конструктора Сергея Королева (Рос. газ. 2007. 13 апр.):

...Королев показывает Хрущеву «Союз», а Хрущев: «Ну что ты опять какую-то мелочь делаешь!». Сергей Павлович пытается возражать... Подхожу к Сергею Павловичу и говорю: «Знаете, когда вы так себя ведете, как вас называют?» — «Ну и как?» — «Скорпион!» Он: «Что?! Такое и от друзей?! Никогда не ожидал!» Но, смотрю, обороты сбавил; Как-то, помню, жили на полигоне близ Феодосии, там командующий ракетными восками маршал Крылов Николай Иванович нас гречневой кашей угощал. Зеленая каша, она неделю где-то лежала. А маршал ее уминает из котелка и нахваливает Королеву: «Настоящая солдатская каша, ты ешь, ешь, Сергей!».

Обращаются говорящие и к обобщению какого-то большого объема информации. Например, в интервью с князем Н. Лобановым-Ростовским «Сливки сбили в кучу» автор Галина Черменская во вводной части отсылает читателей к мнению СМИ:

Большинство СМИ отрапортовали, что все присутствующие воодушевлены речью президента, в своей резолюции выразили удовлетворение политической линией руководства России и отныне «горят желанием давать отпор» необъективным и лживым материалам о России, распространяемым на Западе, — словом, мероприятие удалось на славу.

То же самое в интервью «Раймонд Паулс не любит торты» (Рос. газ. 2006. 17 нояб.), где автор, Надежда Сорокина, свой вопрос к собеседнику строит следующим образом:

— *Вас жестоко критиковали за то, что, будучи министром культуры Латвии, вы закрыли русский театр.*

Пользуются собеседники и расхожими суждениями, анонимно бытующей информацией. Проиллюстрируем сказанное фрагментом интервью Игоря Изгаршева с Леонидом Якубовичем «Парю по жизни с гириями на ногах» (Аргументы и факты. 2005. № 30):

«Ничто не исчезает никуда и не пропадает бесследно...» Этому учат в школе; Я живу, как все, о ком так красиво говорят — «он парит по жизни».

В данных примерах собеседник в ответах использует интертекстуальные высказывания, не имеющие конкретного авторства.

Специфика жанра обуславливает и вторую особенность интертекстуальных включений. Разными средствами говорящие вводят сигналы чужого слова. Исходный устный характер общения даже при переводе текста в письменную форму не требует строгого документирования цитаты. Поэтому, как свидетельствует уже приведенный материал, указаний типа: *В вашей статье в «Фигаро» Вы пишете..., Могу сказать от себя фразу генерала Макартура...* в пределах жанра вполне достаточно и для собеседника, и для читателя. Во всяком случае, собеседник не бросается выяснять или уточнять, в каком номере и за какой год «Фигаро» опубликовала статью, где и когда генерал Макартур высказал свое суждение.

Анонимные суждения также получают знак чужого слова. Автор не указывает точный источник информации, ссылаясь на якобы общеизвестные факты, на те мнения, которые витают в воздухе. В качестве примера приведем вопрос из интервью Галины Черменской «Сливки сбили в кучу»:

...Говорят, вы с женой хотели бы продать коллекцию какому-нибудь российскому музею?

Анонимным суждением можно считать и следующее интертекстуальное включение в высказывании Михаила Казакова в интервью Ольги Шабалинской «И ты, как колокол, весь вибрируешь» (Аргументы и факты. 2006. № 45):

— *...Я очень рад, что один лондонский критик отметил: после моего Годунова ему наконец-то стало понятно, что царь — прежде всего человек.*

Сравним также фрагмент из интервью Владимира Полупанова с Давидом Тухмановым «Какая музыка что поднимает» (Там же. 2005. № 29):

— *Как-то один из наших именитых композиторов признался: мол, так, как уезжал за рубеж Тухманов в 1990 году, и на один день бы не поехал. Вы вроде бы подрабатывали там игрой на пианино в ресторане.*

— *Я всегда ставил профессию выше, чем вопросы карьеры и успеха. Как музыкант я нашел себе применение в Германии.*

Следующие фрагменты из интервью Владимира Кожемякина с ректором Восточно-Европейского института психоанализа, профессором Михаилом Решетниковым «Родина и женщина существуют для любви» (Там же. 2006. № 51) также демонстрируют средства представления анонимных высказываний:

— *Еще стереотип: «Русский народ по душе раб». Крепостное право отменили, а мы так и остались в душе холопами. По капельке выдавливать из себя раба не вышло...; — Сами американцы признают: психушки переполняются.*

«Точность» указания, как видим, различна: это или некая единица — *один лондонский критик, один из наших именитых композиторов*; или группа, порой весьма многочисленная, но все-таки ограниченная — *сами американцы*; или же предельно широкая ссылка — *говорят*.

Любят журналисты давать «этнические» ссылки: Павел Бородин в интервью Виталию Ципляеву «Европа еще запросится в наш Союз!» (Аргументы и факты. 2006. № 13) заявляет:

— *Да, как говорят индусы: «Лучше быть головой мухи, чем задницей слона». Но можно быть вице-президентом союзного государства, оставаясь президентом Белоруссии.*

В интервью «Зритель жаждет любви!» (Там же. 2006. № 46) Борис Щербаков вводит таким образом пословицу:

У русских ведь как: «Заставь дурака Богу молиться, он лоб расшибет». Вот мы и расшибаем себе лбы...

Специфика функционирования интертекстуальных включений также определяется природой жанра. «Чужое слово» в речи журналиста чаще всего служит ему для введения темы разговора. Собеседник при этом может либо отвергнуть, либо поддержать предложенную ему тему.

Рассмотрим, как развивается разговор журналиста Анны Фединой с режиссером сериала «Казус Кукоцкого» Юрием Грымовым (Известия. 2005. 20 дек.):

— *Судя по «Казусу Кукоцкого», в России две проблемы: алкоголизм и испорченный генофонд. Какая, по-вашему, серьезнее?*

Ни ту, ни другую тему собеседник вначале не поддерживает:

— *Я думаю, что главная наша проблема — отсутствие понятия «по гамбургскому счету». У нас по очень многим вопросам нет жесткой, основанной на здравом смысле позиции. Например, в моем понимании Сталин — это убийца и воплощение дьявола. И никто не сможет меня разубедить, даже если будет ссылаться на то, что СССР под руководством этого человека сначала победил в войне, а потом сумел оправиться от ее последствий.*

И лишь после этого отступления собеседник переходит к предложенной теме:

— *...Мы прикрываемся чувствами людей, которые еще помнят те времена. А на деле это всего лишь нежелание взглянуть правде в глаза, и именно оно наносит урон и без того испорченному генофонду. Ведь дело не только в том, что при советской власти были уничтожены лучшие люди (по-моему, Сталин был просто озадачен количественным истреблением людей: меньше народу — легче руководить), но и в том, что все остальные стали детьми страха. В нашей стране за последние 70 лет совершалось такое количество насилия, что страх заложен в наших генах. Алкоголизм — это всего лишь антидепрессант. Если ты задаешь себе слишком много вопросов и не находишь на них ответы, то ты либо сойдешь с ума, либо выпьешь водки и успокоишься. Собственно, именно об этом мы и снимали кино.*

Чаще всего, конечно, собеседник подхватывает тему и развивает ее, причем развитие может быть двух типов — через согласие и через несогласие, спор.

Согласие может быть представлено следующим образом:

— *Я живу в Версале и часто разговариваю с учениками лицея Ош, который считается одним из лучших во Франции. На вопрос: «Кто победил во Второй мировой войне?» — они отвечают: «Англичане, американцы, французы...» — «А кто еще?» — «А что, был кто-то еще?» В России это кажется невероятным...*

— *В подобных ответах школьников виноваты учебники, а значит, и комиссия по учебным программам. 27 миллионов погибших нельзя забыть! Я считаю, что Вторую мировую войну выиграло упрямство англичан, американская техника и русская кровь, о чем написал в своей статье «Россия — море крови...» (Я поклоняюсь вашим ветеранам // Аргументы и факты. 2005. № 34).*

Как видим, в данном примере собеседник соглашается с темой, подтверждая наличие суждений — интертекстуальных высказываний, и далее развивает тему.

Несколько иначе происходит развитие темы в интервью Юлии Тутиной с Максимом Никулиным «Цирк не умирает, его убивают!» (Там же. 2006. № 5).

В «Аргументах и фактах» (2005. № 1–2) знаменитый иллюзионист предрек скорую смерть российскому цирку. С ним не согласен возглавляющий коллектив Московского цирка Никулина на Цветном бульваре М. Никулин:

— *Если ты считаешь, что весь цирк — дерьмо, то и сам ты не лучше! Делать пиар на костях, крови и поте собственных товарищей, как бы ты к ним ни относился, — гнусно. Фаина Раневская замечательно сказала: «Сняться в плохой картине — все равно что плюнуть в вечность». Так вот, по моему мнению, Игорь Эмилевич в эту самую вечность плюнул...*

Тема здесь подхвачена, но суждение, введенное в форме интертекстуального включения, опровергается. Кстати, для оценки собеседник в свою очередь использует чужое высказывание — точную цитату с указанием автора.

Оба собеседника могут использовать «чужое слово» в интересах обоснования высказанных суждений или для их опровержения.

Например, в уже цитированном интервью Елены Жоли с Морисом Дрюоном в качестве интертекстуального включения используются слова русской песни, приведенные интервьюируемым в виде неточной цитаты, которую собеседник воспроизводит по памяти, в том виде, в котором он ее слышал и знает. Слова песни приводятся в подтверждение утверждения «Люблю русские песни»:

— *Чувствуете себя хотя бы немного русским?*

— *Даже очень много, правда, по-русски не говорю, только несколько слов. Но я люблю музыку русского языка, русские песни и могу вам спеть мою любимую: «Помню, помню, помню я, как меня мать любила. И не раз, и не*

два сыну она говорила...» Из русских писателей мне ближе всего Толстой и Гоголь, я перенял толстовский метод двух параллельных линий развития сюжета...

Максим Никулин в интервью Юлии Тутиной «Цирк не умирает, его убивают!» аргументирует свою позицию следующим образом:

— *Не получается ли так, что зритель, пришедший в плохой цирк и увидевший там халтуру, в следующий раз просто не пойдет даже на самое прекрасное представление?*

— *Наш народ на самом деле очень терпеливый. У нас не то что он «в следующий раз не пойдет», у нас лет 15 ходят и лишь сейчас перестают. Действительно, трудно сегодня людей привлечь в цирк. Папа когда-то рассказывал, что в свое время очень сложным городом была Одесса. Потому что на премьеру, когда приезжало шاپито, с каждой улицы шел один человек, доверенное лицо, на билет которому скидывались всем миром... Возвращался он с представления, его спрашивали: ну как? Если он изрекал: «Ну да, это таки стоит посмотреть», — вся улица шла. Если он отвечал нет — цирк сгорал. Возвращаясь к вашему вопросу, скажу: сегодня халтурищиков на арене хватает...*

«Чужое слово» используется собеседниками для формулировки их взглядов. Вот как выражает свое отношение к описываемой ситуации академик В. Шумаков в интервью Валентины Оберемко «Пересадить мозг невозможно, но...» (Аргументы и факты. 2006. № 41). На стимулирующую реплику автора: *Врачи говорят, что за многие наши болячки в ответе мы сами. Что бы вы посоветовали вашим потенциальным пациентам?* он отвечает:

— *Правильное питание, <...> хороший отдых, прогулки, не курить, не пить, заниматься спортом, избегать стрессов. Кто сейчас может себе все это позволить? Мало кто. Но нужно стремиться. Я вот сам, как тот врач из анекдота, который говорил: «Я и за миллион долларов не буду все правила соблюдать». Единственное, что я делаю (и вам советую), чтобы избежать стрессов, не отвлекаюсь на склоки и скандалы, а живу своей работой, которая приносит мне радость в жизни.*

Отметим, наконец, что воспроизведение бытующих суждений, особенно с сигналами типа *говорят, все знают* и подобными, устанавливает своеобразную связь с читателем, так как включает его в круг людей, придерживающихся данного мнения, или исключает из него в случае спора с общим мнением. Например, Наталья Малахова в интервью с музыкантом и композитором Алексеем Айги «Музыка для страны глухих» (Нов. газ. 2006. № 82) использует пересказ бытующего в обществе мнения следующим образом:

— *Многие считают, что профессиональный музыкант отличается от непрофессионального тем, что зарабатывает деньги своим творчеством.*

Данное авторское интертекстуальное включение стимулирует последующее размышление собеседника, который так оценивает это суждение:

Даже если у плохого финансового работника есть высшее образование, его все равно не возьмут на работу. Он же не будет при этом бегать и говорить: «Я профессиональный финансист, дайте мне денег».

Своеобразный сигнал единения с аудиторией — отсутствие средства авторизации, когда «чужое слово» подается как высказывание, авторство которого известно всем. Например, так это представлено в интервью Николая Зяткова с Эдвардом Радзинским «В России опасно начинать реформы. Еще опаснее их останавливать» (Аргументы и факты. 2005. № 34):

Ужас русской революции не только в том, что «русский бунт бессмысленный и беспощадный».

Введенная в слова собеседника чужая речь как бы анонимна, нет даже широкого указания на источник цитирования, поскольку предполагается, что эти слова Пушкина знают все.

В целом интертекстуальные включения, анонимные и авторские, способствуют поддержанию и развитию диалога. В качестве примера приведем коллективное интервью «Мифы о России» Ксении Лариной (Аргументы недели. 2006. 9 нояб.).

А. Кара-Мурза: *Раньше считалось, что насилие и кровь в историю приходят от маргиналов, от заговорщиков, внешних врагов...*

А. Проханов: *XX век — один из самых кровавых. И он был детерминирован всей нашей историей.*

В. Мединский: *Это, кстати, не новый миф. Его придумал еще Сталин в «Кратком курсе ВКП(б)», и историки-лизоблюды его подхватили — миф о детерминизме и закономерности Великой Октябрьской социалистической революции.*

Анонимное суждение *раньше считалось...* вызывает поправку одного из собеседников (смысл ее: «насилие приносят не личности, а ход истории»). Другой участник разговора «документирует», «авторизует» высказывание собеседника, указывая точный источник (работа Сталина) и неопределенную группу лиц, распространявших это мнение (*историки-лизоблюды*), и опровергает его, называя мифом.

Как видим, использование интертекста в газетном интервью имеет ряд особенностей, связанных со спонтанностью устного общения между журналистом и его собеседником. Именно неподготовленность речи собеседников обуславливает предельную краткость интертекстуальных включений и возможную неточность их передачи. Эта специфика «чужого слова» в интервью определяет и особые характеристики их функционирования. В научном тексте интертекст воспроизводит «старые знания»⁷, указывая на источники авторской концепции, демонстрируя «принадлежность к научной школе, парадигме научного знания»⁸. В художественной речи цитата «оказывается средой столкновения различных “миров”, смысловых позиций, одним из способов создания эффекта многозначности, генератором смыслов, углуб-

ляющих и обогащающих интерпретативное поле произведения»⁹. Как показывает наш материал, в газетном интервью «энергия» «чужого слова» используется в первую очередь как двигатель диалога. Она порождает отклик собеседника, позволяет развернуть смысл, введенный интертекстуальным включением. Однако никакого проникновения в текст-источник, тем более «столкновения миров», не наблюдается. «Чужое слово» в интервью — это как бы оружие ближнего боя, используется лежащий на поверхности смысл для организации ближайших реплик. Однако этого бывает достаточно, чтобы голоса собеседников дополнялись голосами широкого контекста, сопровождающего данный разговор.

¹ Кожина М. Н. О диалогичности письменной научной речи. Пермь, 1986. С. 13.

² Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка // Волошинов В. Н. Философия и социология гуманитарных наук. СПб., 1995. С. 312–313.

³ Барт Р. От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 418.

⁴ Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. С. 306.

⁵ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1999. С. 169.

⁶ См.: Смирнов И. П. Порождение интертекста. Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака. 2-е изд. СПб., 1995. С. 11.

⁷ См.: Баженова Е. А. Научный текст в аспекте политекстуальности. Пермь, 2001. С. 158.

⁸ Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург; Омск, 1999. С. 117.

⁹ Там же. С. 123.

Статья поступила в редакцию 17.05.2007 г.

М. О. Уварова (Епанешникова)

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО СОБЫТИЯ В ПРЕССЕ

Определяя некое событие как чрезвычайное, мы подразумеваем, другими словами, событие нерутинное (традиционное словарное толкование этого понятия — «превосходящее обычную меру; не такое, как обычно; исключительное»¹). Однако в рамках дискурсивного анализа материалов печатных СМИ мы предполагаем, что каким бы чрезвычайным ни было описываемое событие, выстраивая посвященную ему публикацию, журналист ис-

УВАРОВА (ЕПАНЕШНИКОВА) Мария Олеговна — корреспондент газеты «Сургутская трибуна».

© Уварова (Епанешникова) М. О., 2007